

ИЗЛОМНИК НЕ УГАСНЕТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лесной Мудрец

Изломник не угаснет

<https://litres.ru/74377393>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бельм застрял на краю мира в вечной зиме. Солнце здесь не греет, а чёрное серебро, добываемое из-под мёрзлой земли, давно стало единственной валютой и главной надеждой города. Именно оно позволяет Бельму выживать вопреки климату уже несколько веков.

Но недавно шахтёры пропали в глубине, а те, кто спустился их искать, также не вернулись. И никто не знает точную причину.

Управление в панике, но рисковать гарнизоном никто не хочет.

Поэтому появляется объявление - для тех, кому плевать на жуткие слухи. Возле доски у колодца стоит человек, который срывает его.

Только вот он ещё не знает, что там знают его по имени.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	15
Глава 2	37
Глава 3	54

Лесной Мудрец

Изломник не угаснет

Пролог

- Опять холодрыга сраная - в полтона произнёс Ворт.

Ворт сидел у спуска в шахту, перебирая в перчатке замёрзшие пальцы.

Утро у входа всегда было одно и то же. Шахтёры подтягивались небольшими кучками через заснеженные дороги, дыша паром в воротники. Кто-то передавал кисет, кто-то сразу принимался за работу, а кто-то позволял себе погреться возле множественных деревянных пристроек. У костра, как всегда, спорили - о дорожающей цене на хлеб, кто кому-то задолжал, о бабе из третьей улицы, которую опять застукали. «Дак чего она, - донеслось оттуда, - ить предупреждали.» Ворт половины не понимал - северный говор у местных был быстрый, со жвачкой согласных.

В правом кармане у него лежало сушёное яблоко. Последнее из тех, что мать сунула в дорогу осенью. Он его не ел и не собирался - иногда только трогал через подкладку, проверял, на месте ли. Дома такого было полные ящики, и он не любил их с детства. Здесь же он два месяца носил это и не мог объяснить себе зачем.

Кто-то с краю костра поздоровался. Ворт кивнул, не обращившись.

Двое парней раскачивали тачку, примёрзшую за ночь к жёлобу. В тачке была ещё не разобранный, вчерашняя порода, чьи чёрные крошки серебра поблёскивали среди серого камня. Один из них пнул стоячее колесо и выругался, второй шахтёр заржал. Бригадир из ближней артели крикнул на них, потом сам пошёл бить по ободу - дерево треснуло, и тачка поехала. Где-то дальше, около подъёмника, медленно и протяжно заскрипели ворота. Где-то с правой стороны опять заело колесо, мужики его раскручивали вручную, с матом и с двух рук.

Сама шахта смотрела на это всё огромной щелью в скале. Вход был не такой, как у южных каменоломен - там ворота со сводами, известняк светлый и небо над головой, а здесь же скала просто треснула и в трещину вколотили крепь. Балки уходили внутрь и через три шага терялись. Над входом находился деревянный навес, провисший под весом снега, и колокол на цепи. Колокол звонил не так часто, и лишь тогда, когда внизу что-нибудь случилось. За всё время Ворт слышал его дважды. И оба раза кто-то не поднимался.

Даллен подошёл сбоку и задымил трубку с первой спички.

- Поди опять о тёплой постели задумался?

- Нет. Просто холодно.

- Здесь всем студёно, юнец.

- Второй месяц здесь торчу.

- Дак что, не легче?

- Нет.

Даллен хмыкнул в воротник. Нос у него был красный и мокрый, с инеем на ноздрах. От спички тянуло серой, перебывая на секунду весь шахтный запах. Он затянул деревянную трубку с железной окантовкой и прокашлялся.

- Третий день подряд подпорки-то на втором скрипят. Я говорил Логлуме что менять надо. Знаешь, что он ответил?

- Что денег нет, - не поднимая головы сказал Ворт.

- Что денег нет, - передразнил Даллен. - Денег нет, а руду скотина гони. Когда нас завалит, он опять скажет, дескать «денег нету» - на похороны.

Ворт хмыкнул и подтянул ремень фонаря.

- Не завалит - ты слишком громкий, тебя даже камни бо-
ятся.

Кто-то из шахтёров рядом фыркнул. Даллен беззлобно ткнул кулаком в плечо Ворта.

- Ты опять вниз, в свою нору?

- Ну так моя очередь в те катакомбы лезть.

- Давеча была твоя очередь.

- Были бы люди, геологов у вас знаешь не так много.

Ворт пожал плечами.

- Вдобавок там тихо, никто не ноет про подпорки.

Даллен усмехнулся.

Сзади что-то с грохотом упало - кто-то уронил кирку с подмостков, кирка поскакала по обледенелым доскам и звяк-

нула о камень. Чей-то голос: «Руки из жопы!» Другой же в голос засмеялся.

Даллен покачал головой, не поворачиваясь на шум. Поправил ремень кирки на плече и на секунду замолчал.

- Слушай, мы нонче тоже в дальний забой. Поди случилось чего.

- А что там?

- Не знаю. Баяли ребята что капель-то пропала. Просто перестала, разом и всё. И эхо другое.

- Какая капель? Вода?

- Ну дык да.

- И что такого, замёрзла наверное. Чхать на неё.

- Может. - Даллен сплюнул в снег, потом затоптал плевком сапога. - Только в дальнем-то не мёрзнет никогда, там тепло идёт снизу. Сколько себя помню, всё время тута вкалывал. И это впервые.

- Ты же не один будешь там, зачем тогда волнуешься?

Ворт промолчал. Странно это конечно. В каменоломне дома такого не бывало. Там камень был камнем, он мог упасть, мог завалить, но никогда не дышал теплотой в декабре.

- Доживёшь - поймешь, что постоянство не в тяготу.

- Постараюсь, хотя с таким морозом не доживу.

Дым от трубки всё дальше уносил ветер.

- Нам с мужиками помощь нужна будет, как закончишь подойдёшь к нам на этаж и постучишь три раза по стене. Я

приду.

- Думаешь через два уровня услышишь, шутишь?
- До обеда не постучишь - сам тебя за шкуру возьму.
- К чему такая спешка? Я здесь почти единственный кто

исследует туннели.

- Не спорь, у нас давеча там парня завалило, никто так и не услышал. Пока опыта не наберёшь, хрен я тебя одного отпущу.

Даллен сказал это так, что Ворт на секунду задумался, почему он только сейчас узнал про это. Ворт хотел было спросить, но Даллен уже отвернулся, легонько стукнул его по плечу и пошёл к своей бригаде. Кирки на плечах, фонари у пояса, глухие голоса сквозь шарфы - всё было на месте. Бригада потянулась за ним и тут же спустилась.

У самого проёма Даллен чуть обернулся, затем потёр ладони - на секунду отогнав холод, и шагнул в темноту.

Ворт остался у входа.

Гул у костра постепенно стих - кто докурил, кто пошёл к подъёмнику, кто полез за Далленом. Двое из последней артели перетаскивали мешки с инструментом и ругались на пустом месте без злобы.

Ворт стоял и смотрел на чёрный зев. Шахта дышала ему в лицо ровным холодом. Запах был всегда один и тот же: мокрый камень, ржавчина, и жир от фонарей.

Он снял фонарь с пояса. Ворт занёс кремень над фитилём и высек искру.

Свет дотянулся до первой ступеньки и Ворт шагнул вниз.

Лестница уходила вниз четырнадцатью пролётами в довольно узком месте. Ворт считал их каждый раз просто чтобы было чем занять голову. На седьмом обычно становилось холоднее, на двенадцатом запах менялся: сверху мокрый, а снизу сухой и металлический.

Сегодня запах поменялся уже на восьмом.

Ворт остановился и понюхал воздух через шарф. Не то чтобы он умел определять, что не так. В Бельме многое было не как обычно, и он пока не научился отличать важное от неважного.

Ворт остановился на перекрёстке и стянул с пояса кусок толстой, засаленной ткани с нанесённой сеткой шагов. С небольшим усилием руки, огрызок грифеля противно скрипнул по влажному материалу.

Свет фонаря выхватил раскол в кровле. Он нанёс трещину на схему, поставил пометку «угол 45», потом провёл новую линию на правую стенку. В прошлый раз она была более гладкой. Ворт коснулся пальцами до камня - сухо. Хотя два дня назад здесь выступала ржавая влага.

- Замёрзло, что ли? - пробормотал он, поправил цифру длины на два шага вперёд и сунул планшет обратно.

Только сейчас он заметил, что с момента его остановки не слышно ни капли воды, ни скрипа крепи. Тишина стояла такая, что казалось будто шахта задержала дыхание.

Ворт немного покачался от раздумий и пошёл дальше.

Дойдя до нового места, он сразу увидел горящие фонари. Не его, а скорее те, что оставила бригада прошлой смены. Они должны были давно догореть, но эти горели ровно, как будто их зажгли только что.

- Эй.

Голос ушёл в тоннель. Эха не последовало, звук просто взял и исчез.

Он подошёл к фонарям. Там стояли четыре штуки, выставленные в линию. Рядом лежала кирка и моток верёвки. Тачка с рудой встала поперёк прохода и мешала пройти дальше. Тачку никто бы не оставил вот так.

Ворт присел. Под одним из фонарей был след, чего-то тяжёлого. Не сапога, и не фонаря - они не оставят за собой такую мокрую полосу.

Он поднёс палец к фонарю и палец заблестел чёрным. Ворт стал принюхиваться, пахло не горючим, а скорее гнилью.

Откуда-то из глубины донёсся звук, или показалось.

Он подошёл к стене и прислушался. Ничего.

- Есть кто?

Он подождал.

«Может пропал кто? Надо сказать Даллену.»

Он перешагнул тачку и пошёл дальше.

Тоннель к дальнему забою сужался постепенно

На середине пути он оглянулся. Света от фонарей за пово-

ротом уже не было видно. Тоннель за спиной выглядел темнее, чем впереди.

Он пошёл быстрее.

Откуда-то из глубины донёсся звук.

Даже не звук, больше похоже на медленное дыхание, с хрипом на выдохе. Ворт поднял масляный фонарь выше. Свет дотянулся до ниши в стене, которую вскрыли три дня назад. За отколотой плитой был узкий проход, примерно в локоть глубиной.

Дыхание шло оттуда.

В ушах загудело. Ворт понял, что давно не дышит, а кирка в его руке стала вдруг очень лёгкой.

Он поднял кирку и три раза ударил по стене.

Дыхание в нише оборвалось.

Он ждал, не зная чего - может ответа, может шороха или голоса. Из ниши не приходило ничего. Тишина была плотная, как бархатная ткань.

А потом из ниши постучали в ответ.

Раз. Два. Три.

В точности его ритм, даже слишком, вплоть до секундны.

У Ворта похолодело под рёбрами

- Далл? - голос вышел тонкий. - Далл, ты там? Старый, не смешно!

Стук повторился, с той же тройкой и интервалом.

Ворт сделал шаг назад и ощутил, как стена за спиной была мокрой.

Он обернулся.

Из стены, на уровне его лица, проступало пятно - чёрное, живое и медленное. Камень под ним не трескался и не осыпался - пятно просто проявлялось сквозь породу.

Из ниши снова постучали. Раз, два, три.

Ворт побежал.

Он не думал. Ноги несли сами, настолько быстро, насколько могли. Туннель постепенно увеличивался от каждого поворота и в тоже время сужался под влиянием паники. Ближайшая лестница была уже около него, всего четырнадцать пролётов, и ты наверху. Всего четырнадцать.

На пятом нога поскользнулась от чего-то склизкого.

Ворт упал на колено и ударился плечом о стену. Стена не отбила удар, а приняла и пыталась поглотить как трясина заглатывает сапоги.

Он почувствовал, как куртка натянулась. Потом поползла.
- Нет - нет - нет

Холодный воздух от стены вошёл в лопатки. Он вцепился в ворот двумя руками и потянул - порода держала крепче чем он мог представить. Тогда он потянул сильнее, и почувствовал, как под курткой тронулась рубаша, а под рубашой его собственная кожа.

Он разжал руки.

И вырвался.

Куртка ушла в стену без какого-либо звука и сопротивления, она просто растворилась на глазах.

Фонарь от такого рывка сорвался вниз и погас вместе с последней вспышкой.

Ворт перестал понимать, где стена, а где он сам. Воздух стал густой и солоноватый.

Он карабкался в темноте. Руками вперёд, ногами наугад, считая пролёты, которые уже не считались. На шестом или седьмом - он не знал.

Из темноты за спиной донеслось почти невидимое ощущение, с протяжкой, как будто звук тянули из горла насильно:

- ...сэ-э-э...

Он не обернулся, дыхание полностью перебивало любой шёпот.

Ворт забрался наверх.

В темноте рука сама полезла в карман под паничное дыхание.

Ничего

Он не вспомнил, когда именно оно ушло. Только что карман был тяжелее - или ему казалось. Он стоял и не мог вспомнить ни запаха, ни веса, ни того, что там было.

Ворт попытался крикнуть, но не вышло. Ощущения, что ты кричишь и не слышишь себя.

Стены пропали, или он пропал, непонятно. Было лишь дыхание в ушах.

- ...ва-аа-р...

Последнее, что он услышал, был стук колокола сверху.

Раз.

Сознание качнулось, как фонарь на ветру.

Два.

Чьи-то руки тащат меня. Камень под спиной. Это уже не важно.

Три.

Тишина.

Глава 1

Первое к чему не мог привыкнуть Эдмон - здесь слишком шумно.

Выюга не утихала уже несколько часов. Из леса вышел человек, чёрный и слегка сгорбленный, похожий скорее на тень, чем на человека. Он проваливался по колено в сугробы, проходя сквозь горную и снежную пустошь. Если бы кто-то наблюдал с расстояния, он не сразу понял бы, что это живое существо, а не мираж разума, от страха темноты.

Мороз суров настолько, что синий плащ скоро окончательно затвердеет. Лишь факел да лунный свет ещё давали хоть что-то видеть. Хотя этого едва хватало, чтобы не наткнуться на очередной ледяной выступ.

Эдмон поправил маску. Ткань обледенела у рта, и каждый вдох приходилось продавливать сквозь неё, как сквозь мокрую тряпку. Привычное неудобство - бывало и хуже.

Правая ладонь ныла от холода сильнее, чем следовало бы. Он сжал пальцы в кулак, проверяя, слушаются ли, и, убедившись, что да, опустил руку.

Триста сефаров - эта мысль гвоздем сидела в мозгу. Очень щедро, даже чересчур, и это за то, чтобы дойти до отряда и забрать их записи. Почему именно двадцать человек ушли в шахту, а не больше, никто так и не сказал. Как и точного времени, только примерное - три дня назад. Совет хочет знать

почему, но не хочет рисковать гарнизоном.

Повезло, что работать одному иногда бывает полезно. В итоге сошлись на позитивной ноте - им меньше трат, а ему меньше ответственности и споров, что делать дальше, прекрасно.

На минуту задумался - и чуть не впечатался лбом в ледяной столб.

Спустя время следопыт перевел взгляд и что-то заметил, шаг замедлился сам собой. У самого подножия ледяного выступа что-то нарушало монотонность снега - виднелось тёмное и бесформенное пятно.

Здесь, в подветренной западне, ветер затихал, завихряясь у основания льда, а снег ложился тонким и неровным слоем.

Эдмон прищурился и сделал несколько шагов вперёд. Даже без факела было видно, что с другой стороны выступа царила не просто тень, а густой, почти осязаемый мрак.

Подойдя ближе, он опустился на колено и провёл рукой по насту. Под белой коркой проступила чёрная полоса золы.

Следопыт осторожно смахнул ладонью оставшийся снег: под его пальцами ощущался монолитный лёд с намертво вмёрзшими в него кусками обугленного дерева. Зола и угли были насквозь промерзшими, сцепившимися в единую ледяную корку с подстилающим грунтом и снегом.

Выше, под нависающей скалой, оставалось пространство, защищённое от позёмки. Место у костра было чуть темнее обычного, рядом валялись обломки палок и что-то похожее

на ручку от котелка.

Определить время, когда зажигали костер, непросто. Похоже, его жгли позавчера: будь он свежее, запах гари еще бы чувствовался.

Он коснулся золы, потом огляделся внимательнее. У самой кромки снега виднелись отпечатки сапог - глубокие, но края уже начали осыпаться. Судя по расстоянию между шагами, было шестеро, может семеро. Первый, наверное, хромотал или нёс тяжёлую ношу: отпечаток его правого ботинка был глубже и длиннее остальных.

- Людей мало для отряда, - пробубнил себе под нос Эдмон.

Он обошёл стоянку по дуге. На выступах скалы, что частично отсекал снегопад, на камнях проступили тусклые, серо-чёрные пятна, вбитые морозом в неровности гранита. Сажа не мазалась, а ощущалась под пальцами как шершавый слой накипи. Значит, дым стоял густой и тяжёлый, какой бывает от сырого лапника или костей, брошенных в огонь ради спасительного жара.

Эдмон задумался. Если лагерь был здесь примерно двое суток назад, а людей не нашли - значит, они ушли вглубь ущелья или к хижине. Возможно, эта вылазка не напрасна.

Рядом в снегу тускло блеснул металл. Эдмон разгрёб наледь и нащупал круглый жетон с вырезанным факелом, переречёркнутым цепью. Символ Бельма - Разведка. Следопыт сжал находку в ладони и посмотрел вокруг. Никаких следов борьбы, ни тел, ни обронённых вещей. Только снег и застыв-

шее кострище.

Он проверил, не уводят ли следы дальше, но ничего не нашёл - снег сделал своё дело, узнавать по ним направление дальнейшего движения было бесполезно.

Думать долго не пришлось, Эдмон быстро положил металлический кусок в карман и двинулся дальше. Где-то позади, меж камней, будто вторил его шагам шорох - тихое, отстающее эхо. В горах, особенно когда погода менялась, уши часто слышали то, чего не было. Доверять стоило только тому, что можно было потрогать рукой или увидеть своими глазами. А пока что перед ним был только спуск, сгущающаяся темнота и свист в ушах, который казался громче любого звука, что он слышал до этого.

"Как же я ненавижу свист в ушах."

Спустя несколько часов борьбы со снежной пеленой, впереди проступил силуэт. Сначала это был сгусток темноты, и разум решил, что это обман зрения. Но она не рассеивалась, а лишь качалась и дробилась в потоках снега, но оставалась на месте, вырастая из равнины темным, перекошенным наростом. В следующее мгновение, когда ветер на миг стих, он разглядел очертания. Это была не скала. Слишком правильные, хоть и искажённые временем, углы. Похоже на старый, почерневший и обломанный зуб, торчащий из белой челюсти равнины.

На фоне мёртвой, идеально ровной белизны, врезалась в горизонт тёмным сколом его текущая цель - хижина.

Одинокая, приземистая, не выше четырёх метров, она казалась частью земли, придавленной тяжестью снега. Её крыша местами глубоко прогнулась, а резкие, замёрзшие линии брёвен проступали сквозь нанос, как кости под тонкой кожей.

Следопыт глубоко вздохнул, дав себе секунду на расслабление. Наконец-то спустя несколько часов пути, он достиг своей цели.

Через несколько шагов снег под ногой вдруг просел. Ноги инстинктивно отпрянули назад, но правая всё же ушла по колено. Он быстро перенёс вес и выдернул ногу, вместе с ней поднялся небольшой клуб белой пыли. Снег осыпался внутрь.

Присев на корточки и поднеся факел к пролому в земле - пламя осветило чёткую, зияющую дыру. Она была размером с винную бочку, чёрная и бездонная. Края её не были ровными или щербатыми - они выглядели ровными и гладкими, будто лёд подтаял не снаружи, а изнутри, под действием какого-то странного, сконцентрированного тепла. Холодное дыхание из темноты колыхнуло пламя факела.

Глаза молча смотрели вниз. Такие провалы здесь встречаются не часто, по крайней мере, ему так об этом говорили. Воздух снизу был тяжёлый и на удивление влажный. Он бросил внутрь обломок рядом лежащего льда и услышал короткий стук, затем глухой отклик.

Два шага назад, три, он досчитал до пяти, прежде чем ды-

хание выровнялось. Равнина здесь не была надёжной. Под снегом, возможно, тянулись скальные трещины. Ещё шаг в сторону - и быть беде.

Сейчас не время рисковать. Он достал небольшой, но увесистый снаряд на цепочке и замедлил шаг, боясь провалиться в скрытые трещины. Позванивая звеньями, он простукивал грузом снег впереди. Обшаривая взглядом наст, следопыт переносил вес только на самый плотные участки, осторожно двигаясь по местам, где почва казалась крепче. Каждый шаг становился маленькой победой на пути к хижине.

Он обошёл строение. Снег у стен был примят и смерзся в плотный наст. В одном месте ветер оголил след, похожий на отпечаток сапога, но форма была смазана.

Взгляд задержался, всматриваясь в тёмные окна. Стёкла местами треснули, застыв неровными линиями, и сквозь них не видно было ни света, ни движения. Он поднял факел выше, но пламя едва показывало, что было внутри, оно больше отражалось обратно.

Эдмон подошел ближе, осматривая вход. Дверь держалась на честном слове, эти петли превратились в хрупкие осколки, дерево выцвело и покрылось трещинами. Пальцы провели по шершавой поверхности, и ледяная корка осыпалась, как старая кожа. Эта сосновая махина видела не одно зимнее утро, и ни одно из них не принесло ей тепла.

Голова прижалась к двери, выжидая несколько секунд - никаких звуков, только ветер. Он толкнул дверь и петли за-

стонали. Внутри несло легкими нотками железа. Под ногами что-то хрустнуло, было неясно, это мусор или щепка?

Факел высветил помещение: разбросанные ящики, сугробы с дыр, пустые склянки, обломки мебели. Следов жизни не было, но воздух на удивление хранил тепло.

В дальнем углу виднелся спуск в подвал - люк, облепленный инеем. Эдмон опустился на одно колено и стал разгребать снег, обнажая тяжёлую крышку, изъеденную ржавчиной. Холод металла слегка обжёг ладонь даже сквозь бинты, когда он потянул за ручку. Люк нехотя поддался, жалобно скрипя на каждое движение. Изнутри потянуло прелой сыростью и запахом чего-то, напоминающего травы - гнилые остатки старых снадобий, возможно аптекарских.

Он окинул взглядом помещение, вдохнул сухой морозный воздух и начал спуск, медленно освещая путь мерцающим огоньком.

Внизу царила не просто пустота, а полная, вымершая тишина. Воздух стоял неподвижный, промёрзший и без запаха дыма, человеческого пота или других выделений - ничего, что говорило бы о недавнем присутствии живых людей. Вот что неправильно, - мелькнуло у него. Отряд мог погибнуть, мог отступить, но двадцать человек не испаряются бесследно. Должны остаться следы паники, брошенное снаряжение, следы борьбы. А здесь было лишь идеальное ничто.

Единственным звуком, нарушающим эту гнетущую пустоту, был скрип ступеней под его собственными шагами. На

середине лестницы Эдмон замер, прислушиваясь.

Мысль о вступлении в отряд снова возникла и была отвергнута. Несколько пар ног только добавили бы суеты.

Следопыт высвободил меч из ножен. Клинок, прямой и сужающийся к острию, чуть короче стандартного, отбросил на стены беспокойный блик факела.

Лезвие замерло, наготове ожидая удара из темноты или предупредительного шороха.

- Раз. Два. Три шага до угла, - шепнул себе под нос.

Достигнув кирпичной кладки пола, он дал глазам привыкнуть к яркому свету в замкнутом месте. Желтый свет факела отвоевывал у мрака пространство, кусочек за кусочком. В беспорядке отброшенные к стене ящики, опрокинутая табуретка, склянки, покрытые мутным налётом времени. Вещи разбросаны так, словно хозяев отсюда унесли в мгновение ока, не дав им ничего собрать.

В глубине подвала чернел проём. Перекошенная дверь, будто вросшая в косяки. Эдмон упёрся в неё плечом - сначала она не поддавалась, древесина стонала, но не сдвигалась. Второй напор, но уже ногой и более резкий.

Удар.

Послышался сухой щелчок сорвавшейся щеколды.

Дверь отъехала, и в лицо ударил густой и прогорклый воздух, с противной ноткой гнили. За ней лежал мёртвый.

Мужчина в меховой куртке сидел у стены, согнувшись, будто сам пытался удержать смерть. Руки его всё ещё сжима-

ли грудь, как в последней молитве. Ни стрел, ни дыр от арбалета. Лишь подойдя ближе, стало ясно: спина мужчины была изуродована. Глубокие, рваные и неестественные разрезы от когтей рассекали плоть от поясницы до затылка. Один из ударов пробил лопатку, раздробил кости и вышел наружу, разорвав мышцы до самого бока, как тушу на столе мясника.

Кровь на полу и одежде замёрзла, превратившись в тёмные, зернистые наплывы, похожие на лак. На ощупь больше похоже на обжигающе холодный камень. Он пролежал здесь достаточно долго, чтобы холод проник в самую кость.

Мороз сделал своё дело: тело было неестественно бледным, восковым, без ярких трупных пятен. Лишь местами, под плотной тканью на спине, проступали тусклые, синюшные тени - первые и последние признаки, успевшие проявиться, пока жизнь не покинула его окончательно.

Глаза мертвеца были застывшие распахнуты. Белки, изборозждённые лопнувшими сосудами, уставились в потолок слепым багровым мраком. Из уголка одного глаза вытянулась и замёрзла чернильная капля, будто чёрная стеклянная слеза.

Эдмон нахмурился. Здесь не могло быть такого зверя, да и не похоже, чтобы оружие могло оставить такую рану.

На груди мертвеца тянулись чёрные полосы, тянувшиеся от раны вверх к самой шее. Что-то начало проникать в тело уже после смерти. Это показалось странным, но времени размышлять не было. Он обыскал тело и быстро нашёл зна-

чок - знак разведки, тот же что он нашёл ранее.

- Ещё один, - пробормотал, поднося пальцы к значку. Взгляд завис на мертвеце больше, чем нужно.

Забрав значок, Эдмон обернулся к двери, проверив обстановку. И как оказалось не зря. Дверь, что недавно не поддавалась, была заперта изнутри. Щеколда висела на одной петле, вырванная рывком ранее. Следы на металле и разорванный фиксатор только подтверждали это. Всё указывало на то, что мертвец закрылся сам. Догадку подтвердили следы крови на щеколде.

Взгляд скользнул по подвалу, цепляясь за детали, которые раньше казались просто беспорядком. Опрокинутые, но аккуратно собранные у двери ящики. Несколько склянок из-под масла и спирта. На полу распластались тёмные пятна от пары разбитых бутылок, остальные расставлены в ряд у стены. Тряпка, зажатая в окоченевшей руке. Стоит добавить огоньку - и пожар охватит комнату, проломит деревянный пол сверху.

И тогда всё встало на свои места. Он не прятался - он что-то собирался запереть здесь, но не успел.

- Ну, ты пытался.

Эдмон закрыл веки мертвецу.

По-хорошему, стоило бы завершить что начал мужик, всё это следовало бы сжечь до основания, но времени на это уйдёт много. Да и осталась нерешённая загадка: где остальные, почему не было вестей если он погиб не так давно? Вариан-

тов не было. Надо идти дальше.

Эдмон шагнул в глубь коридора, заранее выставив клинок вперёд и проверив сумку на поясе: камни с рунами, снаряжение и компоненты на своих местах, лучше бы они не понадобились. Воздух здесь был иным, по ощущениям словно плотный и липкий. Факел трещал в руке как раньше, но свет угасал в метре от него. Оставалось ориентироваться на усиливающийся запах гнили.

- Не нравится мне всё это, - прошептал он.

Дойдя до комнаты, пространство всё больше потеряло очертания. Потолок давил, а стены сомкнулись, как пасть. Всё вокруг было покрыто трещинами и налётом, похожим на копоть.

Следопыт присел у стены. Его взгляд упал на стену. Знаки, царапины, круги и спирали, выведенные дрожащей рукой. Слишком хаотичные, чтобы быть письменами, словно их писал умирающий в бреду.

Он пригляделся. Линии дрожали от света. Смотря на них, можно выявить закономерность, везде по три одинаковых символа, или слова? Если присмотреться, то из всего этого, можно разобрать две буквы: К и О.

Мысль начала складываться, и тут же оборвалась от дрогнувшего воздуха. В темноте что-то двигалось. Оно не подходило, оно уже было рядом, и ждало.

Оно вырвалось из темноты с треском ломающихся костей, прикрываясь рукой от света. Эдмон не успел ни выдохнуть,

ни вскинуть меч в его сторону. Первый удар пришёлся в бок и его швырнуло к стене, как тряпичную куклу. Плечо вспыхнуло болью, словно туда вбили раскалённый гвоздь молотом.

Пламя факела взвилось вверх, ослепительно яркое, прежде чем погаснуть, рассыпав искры по комнате. В этих коротких вспышках Эдмон успел разглядеть только одно - там, где должно было быть лицо, не было ничего. Ни глаз, ни рта. Только гладкая серая плоть и тонкие щели, из которых рвался хрип, похожий на чужое дыхание в чужом горле.

В этой темноте, Эдмон рывком перекатился от приближающегося звука существа, и не зря. Он почувствовал, как над маской пролетело нечто острое, и волосы на затылке встали дыбом от ветра, поднятого лапой.

Он слепо рубанул снизу вверх одной рукой.

Клинок встретил сопротивление, ощущения были такие, словно пытался разрубить корень старого дерева. Лезвие вошло на два пальца и застряло. Вместо крови шла густая чёрная жидкость, тёплая и липкая на рукояти. Существо не закричало и не отшатнулось. Эдмон рванул на себя, выдирая меч, и тварь взвыла судорожной дрожью, прошедшей от плеч до самых кончиков её когтей. Он почувствовал, как что-то длинное и гибкое для руки потянулось к его лицу. Когти скрежетнули по маске, оставив царапины на железе. Следопыт вывернулся, полоснул пару раз наугад и нащупал твёрдый роговой выступ в том месте, где у человека был бы сустав. Лезвие раз за разом выскакивало, оставляя за собой ис-

кры.

В коротких вспышках искр, Эдмон увидел её целиком.

Ростом с высокого мужчину, но согнутая так, что кости хребта выпирали из-под серой, гладкой кожи. Каждая рука длиной едва ли не в половину коридора, сложены в суставах как паучьи лапы.

Но самое страшное было не в этом.

На её груди, плечах, бёдрах зияли старые шрамы и свежие разрывы - чёрные, блестящие, из которых сочилась жидкость, слишком густая для крови. В одном месте из открытой раны торчал обломок стрелы. В другом - лезвие ножа, вросшее в плоть, облепленное чёрными нитями, пульсирующими в такт её движениям.

Её уже пытались убить. Не получилось.

Эдмон откатился в сторону от неё, приближаясь обратно к коридору, чтобы ограничить угол атаки.

Тварь сделала шаг.

Коридор был шириной в три локтя. Мечом с размаху не рубануть - стены мешают. Но и ей своими плетями не развернуться.

Равные условия, остались только последние штрихи.

Он быстро оглянулся, достал из сумки штырь с синими прожилками и вогнал её в стену коридора, отходя всё дальше.

Эдмон выставил меч вперёд, а почти нерабочую правую руку назад.

- Давай, - сказал он тихо, почти отстранённо.

Тварь бросилась не в лоб. Оно помчало уходя влево, к стене, отталкиваясь от неё ногами и перекидывая корпус через голову. Эдмон успел заметить, как её правая рука-плеть обогнула его справа, заходя за спину.

Он присел и рубанул по лапе. Клинок снёс один из когтей, рикошетом отскочив твари прямо в морду и оставил глубокое рассечение, из которого брызнул чернильный след.

Оно ответило яростным ударом сверху вниз.

Следопыт отскочил.

В момент прыжка Эдмон с силой ударил по стене торцом рукояти. На каменной кладке тут же вспыхнула светящаяся полоса, бегущая к вогнанному ранее штырю.

Штырь лопнул, мгновенно сгорая и выпуская узкий синий луч. Свет ударил тварь прямо в морду, прошивая её насквозь. Существо забилось, его кожа начала пузыриться и плавиться. Эдмон не ожидал такого эффекта, но мешкать было некогда: он метнулся вперёд, всадил меч в обожжённую плоть между рёбрами и резко выдернул клинок. Разворачивая стопы и увлекая за собой корпус, он вложил всю силу в удар с разворота. Пятка чётко впечаталась в грудину врага. Оно отлетело на два метра обратно в комнату.

Только тогда тварь попятилась в темноту.

Хрип затих. Где-то справа скрипнул кирпич.

- Сука хитрая, - процедил Эдмон.

Он замер, слушая темноту и мысленно контролируя дыха-

ние под счёт. Руки длинные, гибкие, как плети - тварь бьёт с дистанции и намеренно не пойдёт в клинч. Роговые наросты служат ей бронёй. А чёрная, смолянистая жидкость вместо крови означает, что обычные раны её, наверное, не останавливают.

Однако Эдмон успел заметить главное: под синим светом от штыря свежий надрез на морде не затягивался чёрной слизью, а оставался открытым и дымился.

Его плечо горело всё больше.

Варианты заканчивались быстро.

Следопыт привстал, вытащив из сумки старый камень с руной и бросив его на пол. Тот, раскатившись по грязному кирпичному покрытию, был тут же раздавлен сапогом с такой силой, что камень раскололся на мелкие кусочки.

Свет прорезал тьму, пространство вокруг задрожало. Стены, что были тесными, растворились. Это была не комната - это был огромный и пропитанный смертью зал.

Эдмон осмотрел комнату, ища существо. Пол, некогда скрытый мраком, оказался устлан несколькими телами. Растерзанные, изгрызенные и истекающие чёрной, смолянистой жидкостью.

В центре зала, среди мёртвой плоти, чудовище замерло. Руки оказались на лице. Из головы вырвался крик. Это не было звуком, скорее, нечто похожее на боль, страх и отчаяние, вывороченные наружу. Оно, казалось, пыталось выжать из себя последний крик, но не смогло справиться с тем, что

внезапно пришло.

Эдмон не ждал. Он перенёс меч в едва слушавшуюся правую руку, левой выхватил кинжал из-за пояса и метнул. Короткое и точное движение. Лезвие вошло в грудь твари мягко, как в гнилое дерево.

Оно содрогнулось. Один шаг назад, затем, медленно подняло голову. Из щелей на лице донёсся новый звук. Не крик, не рык, а рваный и хриплый лепет, пытавшийся что-то сказать или передать.

Эдмон зарычал и метнулся вперёд. Последний выпад - и меч вонзился под челюсть, пробив череп насквозь. Существо затряслось, хрипя, как задыхающийся человек, а затем тело повалилось набок, пальцы скребнули по кирпичу и остановились. Чёрная жидкость растекалась медленно. Жуткое тело, обмякло и исчезло, окончательно лишившись формы. Теперь это был лишь месиво из черноты.

Последнее, что вырвалось из этого нечто, было долгое и протяжное: ...о-о-олт...

Следопыт вытащил клинок и замер на секунду. Оно назвало имя, или пыталось? Он оттолкнул труп и отступил, тяжело дыша и переводя дыхание. Досчитал до десяти - тварь не шевелилась. Руна на камне уже начинала терять свою силу.

Остатки начинали таять, будто тот снег на солнце.

Переведя дыхание и собравшись с мыслями, Эдмон зажёл новый факел.

- Неплохо для человека с одним рабочим плечом.

Запах в комнате был почти невыносим - перегной, гнилое мясо, гарь. Он стал внимательнее осматривать пространство подвала. За исключением полной разрухи выделить особо нечего, но вот брошенные тела повсюду - из их ран тянулись нити - живые, чёрные, блестящие - соединяя их между собой, будто кто-то сплёл из них гнездо.

Он двигался быстро, не задерживаясь возле тел дольше, чем нужно. Некоторые тела на вид будто шевелились, но тут же прекращали, когда на них переводился взгляд: казалось, что под кожей пульсировали тёмные тяжи, а суставы выгибались под неестественными углами.

- Это что такое? - промелькнула фраза, осматривая первого несчастного.

Он проверил их карманы, сумки, ремни. Половина вещей была бесполезна, остальное, небольшие металлические значки - простой силуэт факела, перечёркнутый цепью. Символ Бельма, разведка. Вот и отряд, посланный как оказалось на верную смерть. Но было здесь что-то не то, значки этих покойников не совпадали со знаками, что он нашёл ранее. Большой палец прошёлся по костяшкам правой руки, значки разные: у первых - факел с цепью, у этих - тот же факел, но с двумя насечками по бокам.

"Разные. Кто-то ещё пришёл сюда. Может, подстраховка? Или просто хотели проверить?"

Эдмон нахмурился, разглядывая значки. Мысли путались, пока взгляд не зацепился за перевёрнутый стол у сте-

ны. Рядом валялись разбитые склянки, обломок ножа и лист, прижатый уголком доски.

Он подошёл ближе, поднял бумагу. Половина чернил расплылась, но кое-что ещё можно было разобрать: схематичные линии, неровные штрихи, стрелка, уходящая от обозначения хижины к отметке с надписью "Форпост". Дальше надпись была неразборчивая.

Он ещё раз осмотрел комнату вдоль и поперёк. Следы вольнения у двери, царапины на полу - всё сходилось, здесь есть проход, но понять, где именно было сложно. Наверняка кто-то из разведки уцелел и двинулся дальше вместе с записями, к некому форпосту.

- Подземный ход значит.

Ну теперь понятно почему именно это место в самой заднице. Мог бы догадаться, когда чуть под снег не провалился.

Но одно не давало покоя. Мертвец у входа в подвал носил совсем другой знак. Что он здесь делал? Почему умер рядом с людьми, к которым, видимо, не принадлежал? Да и чей лагерь он нашёл ранее?

Эдмон сложил каракули в некий свёрток и сунул его во внутренний карман, что-то ворча. Картина становилась всё запутаннее. Если на схеме всё верно, где-то здесь должен быть проход. Он оглядел подвал внимательнее.

Помещение было небольшим, но беспорядок мешал рассмотреть пол. Разбитые склянки, перекошенные ящики, опрокинутые полки. Под самой дальней кучей проступил

тонкий слой инея и едва заметные линии.

Он присел, провёл ладонью по куче мусора рядом с линиями и стал разгребать одной рукой. Спустя какое-то время стала виднеться едва уловимая пустота, затем ещё и ещё.

- Хотя что-то, - выдохнул он.

Зажёгся новый факел, Эдмон прикрыл лицо тканью и заглянул внутрь. Пахло спёртым воздухом и чем-то древним, застоявшимся. На стенах виднелись следы ладоней на фоне пыли - кто-то касался их, пробираясь в темноте.

- Значит, всё-таки ушли отсюда.

Всматриваясь в темноту, можно понять, что узкий лаз уходил вниз под наклоном, и даже факел не пробивал его до конца. Воздух оттуда был довольно тяжёлым.

Эдмон подумал, но не стал спускаться. Плечо давало о себе знать и требовало отдыха, дыхание сбивалось, а пальцы начинали неметь.

- Нет, не сейчас, - пробормотал он, глуша дрожь и потирая костяшки. Если туда и идти, то с головой, а не полуживым.

"Хватит с меня таких решений. Да и вдобавок не мешало бы подготовиться получше."

Прежде чем уйти, он ещё раз мельком оглянулся, освещая зал факелом. Нужных ему записей он так и не заметил.

Эта сцена из разбросанных тел по ощущениям не отпускала его, хотя он и не понимал, почему? Он заметил новую деталь, нити между телами слабо пульсировали. На одном из лежащих плечо медленно поднялось и опало. На шее мерт-

веца у входа чёрные полосы стали гуще, потянулись выше.

Эдмон помахал головой. Завтра.

Следопыт поднялся по ступеням, избегая смотреть по сторонам. Шаг за шагом, по скрипучим ступеням, вверх, к едва заметному просвету. После подвала, видеть ранее надоевшую метель, было почти утешением.

Хижина встретила тишиной. Эдмон оперся на стену, переводя дыхание.

Он запер люк, прислонил к ручке старую железку, лежавшую рядом, и прошёлся по комнатам.

Убогость добралась до всех углов, но на первом этаже нашёлся угол, ещё способный служить убежищем. Потолок здесь не провалился, а окна заколочены. Пол хоть и скрипел, но не ломался под ногами. В очаге остались остатки золы. На стене висел перекошенный портрет без лица что послужит розжигом.

Он снял плащ вместе с кирасой и положил маску, выжал снег из ткани и развёл небольшой огонь в старом железном очаге, где ещё сохранился пепел.

Сухих дров почти не было. В расход была пущена половина, а ножкой от стула он подпер дверь. Пламя грело, свет от него был настоящий.

Следопыт стянул перчатки и осмотрел плечо - кожа вспухла, мышцы будто сжались в тугий узел. Движения давались с усилием, но перелома не было. Он смазал сустав мазью из

красной склянки, перетянул бинтом, двигая руку, чтобы не затекла.

Потом снял сапоги, вытряхнул снег и обмотал ступни сухими тряпками. Под спину подложил свернутый плащ, сел у костра и стал смешивать помесь различных трав в небольшой железной ступке и положил около тепла.

Только после этого он позволил себе минуту неподвижности. Впервые за долгое время в груди стало не больно, а просто тяжело.

Дом был мёртв, но стены держали ветер. В трещинах потолка тихо потрескивал лёд, где-то в соседней комнате тихо падал снег.

Эдмон сидел у очага, привалившись спиной к стене. Веки тяжелели, но он заставлял себя не спать - слишком много вопросов и слишком много опасности вокруг. Правая рука, что вся в бинтах, вдруг запульсировала теплом. Это не больно, но ощутимо, будто под кожей заворочалось что-то живое. Он машинально взглянул на ладонь, что тусклом свете казалась обычной. Спустя время тепло ушло так же резко, как и пришло. Левый глаз стал машинально дергаться, вместе с уходом тепла.

Огонь не трещал. Эдмон не сразу понял почему. И только потом осознал, что в комнате стало совсем тихо.

В углу, там, где тьма сгущалась настолько, что даже огонь не мог её пробить, стоял человек.

Эдмон не видел лица - только силуэт, тёмный, плотный и

неподвижный. Но он знал, что этот человек смотрит на него почти в упор.

- Кто здесь? - сказал он почти севшим голосом.

Фигура не ответила, и не двинулась.

Эдмон рванулся к мечу, но тело не слушалось. По ощущениям слабость навалилась внезапно, как тяжёлое одеяло. Он попытался встать, но вместо этого сполз по стене. Темнота перед глазами смешалась с той, что в углу. Последнее, что он увидел - как фигура сделала шаг вперёд, и на миг в её очертаниях проступило что-то знакомое. Что-то, отчего сердце пропустило удар - в руках у него был какой-то камень, вместе с ощущением посторонних глаз.

Глава 2

Огонь в очаге горел, тени плясали на стенах, мысли Эдмона всё дальше проваливались в темноту, смешиваясь с ветром за окном.

Ещё недавно он пытался отдохнуть в давно потерявшем жизнь здании, а теперь распластан и придавлен цепями на чём-то холодном и твёрдом.

Где-то рядом послышался глухой голос:

- Расслабь руку. Не сжимай кулак.

Он пытается разглядеть говорящего, но лицо размыто, только тёплый свет откуда-то сбоку очерчивает плечо. Человек склоняется ближе, и на мгновение мелькает седая борода вместе с морщинами.

- Будет больно, - говорит голос уже отчётливей. - Но ты сам просил.

Эдмон хочет ответить, но язык не ворочается. Вместо этого он чувствует, как чьи-то пальцы берут его правую руку и разгибают ладонь.

Затем приходит холод.

Что-то острое и тонкое медленно ведёт по тыльной стороне ладони с нажимом. Эдмон видит: старик держит в пальцах прозрачный серый камень, заточенный как игла. Минерал оставляет за собой белую полосу, которая тут же набухает красным.

- Терпи мальчик.

Голос плывёт, смешивается с шипением в ушах. Жжение такое, будто по венам пустили расплавленный металл. Эдмон сжимает зубы, но стон всё равно вырывается наружу.

- Хорошо, - говорит старик. - Кричи, если легче.

Крика не последовало, а лишь прерывистое дыхание, за которым следует взгляд, как на его ладони проступает узор в виде круга, дуг и мелких рун, похожих на трещины сухой земли. Камень выцарапывал линии одну за другой, отдаваясь по всему телу.

- Вясо-он потаа-ат мигел дэх, - прошептал старик.

Слова впились в позвонки, как крючья. Эдмон выгнулся. По спине, от копчика к затылку, пополз невыносимый жар. На тыльной стороне шеи вспыхнул тот же узор, что на ладони.

Наконец, старик замирает с камнем над незаконченной руной.

- Скажи мне, - его голос звучит все тише, - где боль другая?

Эдмон хотел ответить, что ничего не понимает. Но губы уже двигались сами собой. Где-то глубоко, под сердцем, что-то начало прислушиваться.

Лицо старика таяло вместе со светом, оставляя только боль.

В эту секунду боль внезапно перестала быть болью. Она ощущалось как ответ, правильный, нужный, даже почти же-

ланный.

- ...Вы-пу-сти...

И вдруг - рывок.

Эдмон открывает глаза, глотая воздух. Над ним чёрный потолок хижины, а где-то в углу тлеют угли. Сердце колотится так, что рёбра хрустят. Он подносит правую руку к лицу и тут же убирает. На левой щеке стала отслаиваться чёрная кожа.

- ...Почти достал - прошептал кто-то, не пойми откуда.

Губы пересохли, во рту легкий привкус крови.

Он садится, кутается в плащ, и долго смотрит на огонь. Потирая костяшки, Эдмон переводит пальцы на ладонь, пытаясь вспомнить лицо старика и его вопрос. Что это был за вопрос, что за ним последовало?

Пусто.

Он не мог вспомнить. Осталось лишь предчувствие, что сказал что-то важное.

Утро пришло не сразу.

Сначала всё просто стало тише - ветер выдохся, и теперь лишь лениво перебирал снег за стенами. Мир вокруг остался серым, но это была не та ночь, что рвала небо на куски. Холодный, как застывшее молоко свет просачивался сквозь щели в досках.

Эдмон проснулся от собственного дыхания. Горло пересохло, тело ломило так, будто он пролежал неделю на кам-

нях. Плечо саднило, но боль уже не резала, а тянула тупым ощущением. Он посидел и прислушался - раз, два, три, четыре: ни шагов, ни шорохов снизу. Только редкий скрип стен от старого дома.

Пламя в очаге почти догорело. Тлеющие угли бросали на стены мутный оранжевый отсвет. Эдмон шевельнул пепел ножом, добавил щепку из разбитого ящика заблаговременно забрав склянку с травами, что оставил ночью. Пламя тут же вздрогнуло и снова ожило.

Тело поднялось полусонным, стряхивая с плаща едва уловимые крошки золы. Вода в фляге застыла, он растопил ледышки в жестянке и отпил. Затем достал из сумки небольшой холщовый мешочек и высыпал на ладонь остатки пайка и съел.

Он жевал долго, глядя на огонь. Проглатывать приходилось с усилием, ведь пересохшее горло не слушалось. Пить тоже не хотелось, но он заставил себя сделать несколько глотков талой воды.

Доев всё, он провёл ладонью по колену, вытирая руки об штаны и начал собираться.

Сначала нужно заняться броней. Кожаные ремни потемнели от времени, но застёжки ещё держались. Он затянул их крепче, чувствуя, как знакомая тяжесть возвращается на плечи. Затем пояс: ножны, сумка с немногочисленными рунами и предметами для простеньких заклятий, фляга, кремь, запас бинтов, медицины и кинжалы. Микстуру из го-

товых трав он смешал с водой и залил в подобие шприца.

Меч - в ножны, лезвие скользнуло внутрь. Поверх он накинул плащ, поправил ворот, застегнул пряжку у шеи. Металл был ледяным.

На столе, среди обломков, лежала маска и сумка со скудным запасом оставшихся факелов.

Перед тем как выйти, он снова подошёл к окну.

За мутным стеклом раскинулась белая равнина. Небо наконец стало видно, хоть было тусклое и без солнца. Снег уже не метался в вихрях, а только медленно оседал. На горизонте, где серое небо касалось скал, тянулась ровная полоса тумана. Казалось, мир обессилел, выдохшись вместе с ночью.

Эдмон опустил взгляд вниз, там у порога за ночь замело следы. Ветер постарался стереть даже его собственное присутствие.

Осмотрев территорию, он достал свёрток из внутреннего кармана и положил на ближайший стол, провёл пальцем по бумаге и развернул листы.

Взгляд опустился на схему. Отметка "Форпост" выглядела почти детской, но направление было точным.

"Они ушли туда. Или пытались. И если мертвец у двери не из их числа... значит, они разделились. Лагерь снаружи был не так давно, их значков в хижине я не нашёл. Только один, но он пришёл сильно позже, может что-то передать, непонятно"

Сидя у стола, проведя ладонью по лицу мысли возвраща-

лись к одному и тому же. Всё время перед глазами стояла тварь, и тела после неё.

Всё это место следовало бы сжечь - доски, стены, даже землю под ними. Вот только если путь в подвале окажется тупиком, назад уже не вернешься.

Он опустил взгляд на руку. Бинты на ладони уже давно потемнели от грязи, пальцы дрожали.

- Придумай что-то, Эдмон, - выдохнул он хрипло. - Только не очередную херню.

Минута молчания, и взгляд стал ровнее.

- А что если...

Он полез в сумку сверяя свои скудные запасы пороха и горючих масел, если прибавить склянки что были у мертвеца, то на полноценный пожар должно было хватить.

- Ну что ж... это будет больно - сказал следопыт, вновь смотря на забинтованную ладонь.

Он глубоко вдохнул, поправил маску и взял факел.

Скрип двери ознаменовал начало нового дня.

Эдмон оглянулся на хижину.

Дом казался теперь просто забытым местом, где осталась ночь.

Когда он открыл люк, вся эта тишина снова ударили в лицо.

Он опустился на колено, проверил крепление ремней, дотронулся до рукояти меча. Потом медленно и стараясь не шуметь, начал спускаться вниз. Деревянные ступени всё рав-

но стонали под ногами.

Запах ощущался сразу, ещё до того, как он спустился до конца. С каждым шагом всё отчётливее проступал тот самый смрад гнили и прогорклого металлического привкуса. Даже сквозь ткань вонь прожигала нос, как раскалённый дым.

Прежде чем войти в зал, он взял склянки с горючим у мертвеца и прислушался.

Раз, два, три - слышен хруст.

Осторожно идя вперед, Эдмон уже готовился отскочить назад на случай появления нежеланного гостя.

Внутри комнаты никого не оказалось, лишь тела, что вчера лежали в хаосе битвы, теперь выглядели иначе. Кожа почернела, будто сама плоть начала каменеть изнутри. Места, где вчера блестела смола, теперь набухли, пульсируя тусклым блеском. На некоторых шеях проступили тонкие, похожие на чернильные нити прожилки, тянущиеся вверх к лицу.

Он подошёл ближе к ближайшему телу. Следовало бы внимательнее обследовать, после вчерашнего осмотра. Мужчина в доспехах разведки лежал на боку, рот приоткрыт, из уголка вытекла чёрная жидкость, замерзшая каплей. Лицо осунулось, глаза провалились, но под веками что-то шевельнулось.

Вот тебе и завтра.

Следопыт наклонился ниже. От тела шёл слабый пар. На руке виднелась глубокая рана, и края её теперь были не просто чёрные, а стеклянные.

Он медленно обошёл зал, освещая факелом стены. Некоторые трупы поменялись: кожа трескалась как глина, под ней шевелилось что-то тёмное. Несколько лиц вытянулись, челюсти искривились.

В углу лежала женщина - когда-то, может, целительница из группы, судя по сумке у пояса. Её волосы слиплись, глаза покрылись мутной плёнкой. Из рта вытекла тонкая нить пульсирующей массы. Эдмон сжал факел крепче, готовый в любой момент опустить огонь, если движение станет больше, чем шорох.

- К гадалке не ходи лучше поскорее заканчивать.

Он провёл рукой по поясу, нашёл нужный мешочек и опустился на колено. Внутри были пороховые унции и несколько ампул с маслом и спиртом. Всё, что осталось после прежних вылазок и вчерашнего несчастного. Немного, но хватит, чтобы сделать этот зал непригодным для этого смрада.

От открытой пробки разлило тяжёлым запахом горючего, что тут же смешался с вонью гнили. Эдмон плеснул масло на пол - густая, маслянистая жидкость растеклась тёмными разводами, заливая доски и фрагменты тел.

Когда дело доходило до пороха, Эдмон становился осторожнее: порох штука слишком чувствительная в таких местах. Малейшая искра, и всё, включая его самого, обратится в дым. Вдобавок и порох в распоряжении был необычным, там была небольшая примесь травы Шалорым. Такой дуэт заставляет детонировать порох от любого шороха и увеличи-

вал мощность взрыва.

Порох построился узкими, прерывистыми дорожками вдоль пола, соединяя их с пятнами масла. Где-то на середине пути порох осел в трещинах между камнями, прорастая в землю. Эдмон присел, чтобы проверить.

Он подлил ещё немного масла на тела. Оно потекло вниз, соединяясь с чёрными дорожками пороха, словно вены одной живой системы. Всё готово. Одной искры хватит, чтобы пламя и взрывы прошли по залу.

Он сел возле дорожки, поставил ладонь возле себя и медленно снял бинт с правой руки. Повязка отлипла с тихим шорохом; под ней кожа была сухая и побуревшая, но на тыльной стороне ладони, прямо над косточкой, блеснула едва заметная печать.

Печать не выглядела как обычный шрам. В центре виднелся маленький круг, окружённый тонкими дугами, расходящимися, как волны по воде. Между кругами проходили довольно тонкие, ломанные и переплетённые линии. В некоторых местах линии сходились в точки, образуя крошечные символы, при взгляде на которых в голове рождалось чувство бесконечной глубины. Внутри каждого круга узор напоминал сеть тончайших нитей, переплетённых и скрученных, как ткань. Они перекручивались и расходились, образуя множество узелков, каждый из которых словно заключал свою маленькую реальность.

Он глубоко вдохнул, посмотрел на печать на руке, сложил

пальцы обеих рук в символ и положил их на пол.

Он закрыл глаза и сосредоточился. Мгновение ничего не происходило. Потом печать на ладони вспыхнула. Синим, режущим светом, будто пламя без тепла. На месте центральных переплетений последовал небольшой разряд электричества.

Боль пронзила руку, Эдмон зашипел, а пальцы свело. Он скривился, наклонив корпус, чуть не уткнувшись лбом в холодный пол, едва удерживая крик. В висках стучало, мир плыл, и казалось, что свет выжигает не только кожу, но и кость.

Когда вспышка погасла, дыхание сбилось. Эдмон посмотрел на пол - теперь на дереве чётко нанеслось клеймо. Та же форма круга что и на руке, но внутри - изломанная фигура, похожая на перекрёщённые линии.

Он приподнял маску, чтобы вытереть пот со лба. Пальцы машинально коснулись щеки на левой стороне. Кожа стала грубой, неровной, подушечка пальца скользнула по ней, как по сухой коре.

Он опустил руку.

- Прекрасно, - выдохнул он глухо. - Немного вложил и всё равно срывается.

Он вытер пот со лба, поднялся медленно и под счет перевел дыхание, смотря на пол. Символ ещё тлел слабым синим светом, но быстро гас.

Эдмон окинул взглядом зал.

В углу женщина с сумкой целителя слегка приподняла голову, её шея хрустнула. Эдмон недовольно хмыкнул. С каждой минутой здесь было всё опаснее, да и левый глаз всё больше и больше отдавался легкой прохладой. Он глубоко вдохнул, стараясь игнорировать боль в ладони. Время идти - но прежде, чем двинуться к коридору, он ещё раз мельком осмотрел трупы, проверяя, не пропустил ли что-то важное. Записи, подсказки, любые следы, которые могли бы объяснить, почему помимо его цели добавилась и ещё одна. Взгляд задержался на женщине с сумкой целителя. Ничего, только тьма, гниль и нарастающее ощущение, что за этой стеной его уже ждут.

Коридор сужался с каждым шагом. Эдмон осторожно шёл, чуть прижимаясь спиной к шероховатой стене, с дрожащим факелом в руке. Правая рука всё ещё пульсировала от боли после использования печати, хотя она и притупляло ноющее плечо. Каменные стены здесь были не гладкими, как в жилых помещениях, а покрытыми странными буграми и впадинами. В расщелинах между плитами пробивались тонкие жилы какого-то минерала, мерцающие тусклым зеленоватым светом при свете факела.

"Чёрное серебро? Тогда почему зелёное."

Воздух становился плотнее, влажнее с каждым шагом, но путь был уже не таким узким, спокойно бы прошло ещё пять следопытов с его размера. С потолка капала вода, падая с

таким интервалом, что это походило на отсчёт времени.

Кап-кап-кап.

Эдмон насчитал семь капель, прежде чем его взгляд упал на пол - следы, человеческие. Вдоль них виднелись глубокие борозды, будто по коридору тащили тяжёлый мешок, оставляя за собой мокрый след. След вёл вглубь.

Он присел, провёл пальцем по влажному следу, на ощупь ощущение липкости. Поднеся перчатку к факелу, на пальце показалась чёрная слизь с металлическим блеском. Точно такая же, как у твари ранее.

- Иду точно по следу, - прошептал он, вытирая жижу о плащ. - Но сегодня видимо не мой день, мерзость.

Коридор стал расширяться. Стены медленно отступали, освобождая пространство, а потолок поднимался, позволяя спокойно выпрямиться во весь рост даже двухметровому громиле. Воздух по-прежнему отдавал сыростью, но теперь с примесью вековой пыли. С каждой минутой становилось прохладнее, казалось, что коридор вел не вглубь земли, а к ее ледяным жилам.

Свет факела дрожал, отбрасывая на стены танцующие тени. Эдмон, насторожившись замедлил шаг. Отсчитывая двадцать шагов, что-то блеснуло в свете огня. Неровность в стене - отверстие, едва заметное из-за тени.

Он подошел ближе, опустившись на колено. Дыра оказалась размером с его голову, но края ее оказались странными. Они не были гладко высеченными, казалось, что они разо-

рваны изнутри. Вдалеке тянуло ледяным воздухом с запахом влажной земли и чего-то металлического.

Он поднес факел ближе. Пламя заиграло на неровных краях отверстия, выхватывая из тьмы небольшую пещеру, достаточно просторную, чтобы в нее мог проползти человек. Пол был усыпан обломками породы, среди которых поблескивали металлические обрывки: частично окисленные куски руды, несколько ржавых монет с нечеткими очертаниями, осколки какого-то инструмента. По бокам прохода виднелись деревянные подпорки, вбитые настолько глубоко, что почти вросли в камень, их поверхность была покрыта плесенью и тонким слоем белого налета. В воздухе витал запах старого дерева и сырости.

"Старая шахта, наверное" - подумал Эдмон. - "Но почему замуровано? Не верю что они как-то здесь протиснулись. Что за хрень."

Нужно было двигаться вперед, справа и слева ни одного прохода, путь к переднему туннелю преграждал узкий проход, тесный даже для ребенка. Выхода не было. Придется долбить края, расширяя отверстие. Эдмон окинул взглядом коридор позади. Раз, два, три - тишина и пустота, никаких признаков движения. Он поставил факел у стены так, чтобы свет падал прямо на отверстие.

- Ну ёптыть, - проворчал он, понимая, что это надолго.

Сняв перчатку, он провел пальцами по краям отверстия. Камень был необычно пористым, местами рассыпающимся

в пыль. Это облегчило задачу. Эдмон уперся левой ногой в стену для опоры и начал долбить правой по выступающим краям. Каждый удар отдавался глухим эхом в коридоре, разбрасывая каменную пыль. Сапог постепенно превращался в рабочий инструмент, его подошва стиралась о камень, но проход медленно расширялся.

Двадцать минут упорной работы принесли результат - теперь в отверстие можно было залезть. Эдмон поправил маску, оставив на ней темную полосу. Затем снял плащ и тщательно обвязал его вокруг пояса, обнажив легкую кирасу. Факел заранее потушил - в такой тесноте огонь может стать ловушкой.

Сначала он просунул голову. Камень тут же уперся в виски. Эдмон прищурился, оценивая пространство. Проход оказался немного шире, чем казался снаружи, но все равно требовал ползти, прижавшись к земле.

Тело вползло в щель, мышцы напряглись, а раненое плечо ответило жгучей болью. Он толкнулся ногами, протискиваясь вперед дюйм за дюймом. Камень давил со всех сторон, выжимая воздух из легких.

За спиной щелкнул ремень на поясе, что зацепился за выступ.

- Да кто его вырыл? - прошипел, чувствуя, как пот стекает по вискам под маской. Резкий рывок и ремень освободился.

В темноте обострились все чувства - холод камня под ладонями, запах пыли в носу, странный шелест где-то впереди,

похожий на скрип крысы или падающую каменную крошку. Иногда руки натыкались на металлические обрывки, впивающиеся в кожу через перчатки.

"Если здесь есть кто-то еще, я не услышу его, пока он не будет в метре от меня", - мрачно подумал Эдмон, продолжая медленно продвигаться вперед.

И вдруг пальцы наткнулись на что-то гладкое и холодное, не металлическая руда, как он мельком подумал, а камень. Поверхность была пористой, шершавой на ощупь, будто высеченная из вулканического туфа. Эдмон провел ладонью вверх, там край прохода. Стена, точно такая же, как ту, что пришлось долбить сапогом у входа в этот туннель.

- Опять? - выдохнул он в темноту, голос глухо отразился от камня. - Серьёзно?

Он попытался развернуться в тесном пространстве, локти упирались в стены, колени скользили по острым обломкам породы. Пальцы нащупали пояс с кинжалом. Вытащить его в такой позе было непросто, но выполнимо.

Рукоять кинжала холодно отозвалась в потной ладони. Эдмон уперся пятками в пол, выгнув спину, чтобы создать хоть малейший размах. Первый удар пришёлся в верхний край стены - глухой тук, как по пустому бочонку. Каменная пыль посыпалась на лицо, заставив закашляться.

- Кхе-кхе, Чёрт...

Второй удар. Третий, четвёртый. С каждым разом кинжал глубже входил в пористую породу. Пятый, Шестой. Камень

начал крошиться, откалываясь мелкими кусочками. Эдмон чувствовал, как под рукояткой что-то хрустит. Что-то хрупкое, даже органическое.

Десятый удар. Стена дрогнула. Эдмон почувствовал, как под ладонью вибрирует трещина. Он замер, прислушиваясь. В тишине за стеной послышался едва уловимый скрежет.

Одиннадцатый - и она ушла из-под рук.

- Сука!

Опора исчезла раньше, чем он понял что происходит. Темнота перевернулась, и мир ударил его лицом о камень. Пыль, соль крови, хруст где-то в переносице. Он ещё пытался сообразить где верх, когда сверху пошла крошка и щебень.

Эдмон попробовал пошевелить правой рукой, но не вышло. Левой едва выходило, лишь на несколько сантиметров. Ногой тоже не вышло.

Эдмон лежал, слушая как оседает порода. Пыль забивалась везде: под маску, в нос, между зубами. В правом боку при каждом вдохе разливалось тупое и горячее ощущение.

Плечо он уже и не надеялся почувствовать.

Мир начал плыть по краям. Темнота стала мягче чем должна была. Он знал этот эффект - скоро он потеряет сознание.

Раз. Два. Три.

Где-то впереди, за завалом, капало.

Он попытался зацепиться за звук, додумать, но мысль рас-

ползалась.

- И-ди-от...

Глава 3

Раз.

Рассудок стал проясняться.

Два.

Появилось ощущение времени.

Три.

Он открыл глаза.

Эдмон лежал и непроизвольно считал, пока дыхание не выровнялось. Под маской пахло кровью и каменной пылью. Впереди что-то равномерно капало.

Несколько минут он просто слушал: ни шорохов, ни движения. Только капля, только его собственное дыхание и тихий горячий пульс в боку, где явно что-то было не так.

Мысли в голове не приходили быстро. Сначала Эдмон методично перебирал варианты один за другим, но тут же отбрасывал. Левой рукой камни не сдвинуть. Без опоры здесь не развернуться. Кричать некому, да и он бы не стал.

Потом он перестал перебирать и просто смирился.

"Вот же идиотизм."

Эдмон закрыл глаза, хотя в темноте это ничего не меняло, и сжал пальцы правой руки в кулак.

Печать на ладони загорелась моментально, вместе с теплотой под кожей, знакомой и неприятной, как разжимание застарелого шрама.

Он концентрировался несколько секунд, стараясь на время не сдерживать силы печати.

Синие и мелкие дуги электричества проскакивали между пальцами и гасли об камень. В их свете он на секунду увидел завал над собой. Серая порода, тёмные пятна влаги и край балки прямо над головой.

Именно в этот момент оно и пришло.

Просто присутствие, внезапное и холодное, как чужая рука на плече в пустой комнате. И вместе с ним что-то похожее на веселье. То, что смотрит на человека под камнями и находит это забавным.

Эдмон стиснул зубы.

- Смешно тебе?

Боль в руке вспыхнула острее. Эдмон намеренно сосредоточился на ней, на счёте, на капле впереди, на чём угодно кроме этого присутствия. На второй секунде по счету искры стали гуще, запахло озоном и горячим металлом. На третьей - мышцы напряглись сами.

Он упёрся и толкнул.

Груда камней над запястьем сначала просто скрипнула, затем начала сдвигаться. Под конец вся эта куча с глухим стуком рухнула куда-то вбок. Правая рука наконец освободилась. Не теряя ни секунды, он упёрся другой ладонью в пол и начал выталкивать себя из-под завала. Камни постепенно сползали. Один ударил по спине, другой - по уже полумёртвому плечу, но он ничего не почувствовал. Было та-

кое ощущение, что электричество в его теле постепенно работало как обезболивающие.

Присутствие угасло в тот момент, когда он собрал все силы обратно в печать. Ощущения тут-же исчезли.

Или оно насмотрелось.

Эдмон прилёг на спину поверх обломков, дыша в потолок шахты и считая до десяти. Искры понемногу гасли. Тишина вновь вернулась в его голову.

Он поднёс правую руку к лицу.

В тусклом свете минерала кожа на тыльной стороне ладони была темнее чем час назад. Печать не светилась, но края её казались чуть глубже. Пальцы дрожали мелко и ровно в такт дыханию. Он сжал кулак, потом разжал, и опять по новой.

Дрожь не уходила.

Левый глаз ныл больше прежнего.

- Прекрасно, - сказал он темноте. Голос вышел хриплым.
- Просто прекрасно.

Он сел, потирая костяшки рук.

Он собрался полностью лишь через минут десять. Каждая мысль, и каждое раздумье, он сомневался, стоило ли оно того?

- Ну что-ж... - прохрипел он, проводя пальцами под маской. Кровь на кончиках пальцев от разбитой губы уже засыхала.

Эдмон поднялся, придерживаясь рукой за завал. Грудь вздымалась, пульс стучал в висках. Плечо ожило и тихо горело, но оно уже было работоспособным.

Грудь пронзила острая, раздирающая боль. Эдмон рухнул на колени, срывая маску, словно она душила его. Воздух застрял в горле, превратившись в бесполезный хрип, а из левого глаза горячей дорожкой потекла черноватая кровь. Действуя на одних рефлексах, он нашарил на поясе шприц с микстурой и, не целясь, всадил иглу в шею, вдавив поршень до упора.

Секунды растянулись в вечность. Наконец спазм отпустил, и легкие с жадностью втянули воздух. Эдмон еще пару мгновений стоял на четвереньках, собирая себя по частям, и только потом заставил себя подняться.

Когда дыхание выровнялось, он взглянул что было вокруг. Коридор шахты поражал масштабом. Высокие своды подпирали массивные деревянные балки, их поверхность была покрыта глубокими следами топоров и ржавыми пятнами от инструментов. Пол усыпан щебнем, но местами виднелись следы колёс. Между балок пробивались тонкие жилы минерала, мерцающие тусклым сероватым светом. Они и давали возможность лицезреть коридоры чётко и внятно, даже свет от пламени был не нужен, весь коридор был чёрно-белым без лишнего цвета.

Эдмон провёл рукой по стенам: царапины от кирок, ржавые пятна от цепей, местами выступали куски палок, вбитых

в расселины. Здесь трудились люди, довольно много и давно.

Воздух здесь был плотным, с запахом влажной земли и озона. Справа, в стене, деревянные доски, прибитые к камню, с выцветшими надписями: "Спуск на третий ярус. Осторожно, обвалы". Буквы были размыты, но ещё читались.

Завал за его спиной осел окончательно. Прохода назад не было.

Капля упала совсем рядом - следопыт обернулся.

У основания стены, там, где минеральная жила шла гуще всего, на камне темнело свежее пятно. Он присел, поднеся руку. Цвет не тот, чтобы быть водой, и не его кровь.

Чуть правее, на полу лежала склянка, обмотанная красной тканью. Он поднял её, развернул. По запаху похожее что-то на гарь и травы. Аромат схож с тем, когда он входил в подвал, но был намного чище и концентрированное, напоминавшую вонь аптекарской лавки.

Склянка была пустой, но пробка сидела не плотно. Значит не разбилась, а опустошили намеренно.

Эдмон держал её в руке и смотрел вперёд, в темноту коридора.

Кто-то прошёл здесь, и недавно.

Следопыт подавил кашель от склянки, чувствуя, как пыль оседает в лёгких. Ни скрипа дерева, ни шороха крыс. Только редкие капли воды, падающие с потолка, отсчитывали время.

Он уже собирался идти, как позади него послышался еле

заметный шорох, он инстинктивно повернулся.

Из провала, откуда он выбрался, вдруг хлынули новые камни, сопровождаемые странным шипящим звуком. Эдмон отошёл назад, прижимаясь к противоположной стене. Камни падали неестественно медленно, будто их подталкивала невидимая сила изнутри.

И между обломками показалась нечто похожее на черную слизь, густая, как смола, но живая. Она стекала по камням, оставляя за собой блестящие следы, и при каждом касании земли издавала шипение, похожее на отравленное дыхание. Слизь не просто текла - она ползла, ощупывая пространство тонкими отростками. То место, где она касалась камня, начинало темнеть и покрываться трещинами.

- Проклятье...

Теперь он понимал, почему проход был почти полностью завален. Эта черная субстанция просто заполняла пространство, превращая твердую породу в хрупкую массу. И когда порода ослабевала достаточно, субстанция проталкивала обломки наружу, расширяя свои владения.

Слизь потянулась к его ногам, оставляя на полу мерцающий след. Эдмон отступил еще на шаг, нащупывая клинок. Но, прежде чем он успел среагировать, черная масса внезапно остановилась. Отростки замерли в воздухе, будто прислушиваясь. Затем, с тихим шипением, начали отступать обратно в провал, унося с собой осколки камней.

Следопыт не двинулся с места. Он смотрел в сторону, от-

куда только что выползло вот это, и вспомнил тела в подвале, чьи раны сочились похожей смолой. Та же чернота проступала около кожи у мертвого разведчика.

Рука потянулась к поясу, нащупывая небольшую склянку с маслом. Пальцы, привыкшие к точным движениям даже в темноте, расстегнули пробку. Тяжелый запах смолы и серы ударил в нос, перебивая гнилостный аромат черной слизи.

Эдмон сделал шаг вперед, держа стекло над полом. Тонкая струйка масла потекла вниз. Когда масло касалось слизи, она шипела и отступала.

- Не уйдешь, - хрипло произнес Эдмон, ища в сумке кремень.

Искры коснулись масла, огонь вспыхнул ярко-зеленым пламенем. Черная слизь забурлила, выделяя клубы едкого дыма. Стены задрожали возле дыры.

Запах был невыносим. Прогорклый, металлический, с ноткой сладковатого разложения.

Пламя поглотило последние щупальца слизи, оставляя на полу черные пятна. В том месте откуда шла это слизь, всё также продолжало тлеть пламя.

- Ну думаю теперь я обратно не вернусь.

Эдмон сжал правую ладонь в кулак, из которой слегка просочился свет. В ту же секунду где-то со стороны уже недосягаемого прохода прогремел взрыв, уничтожив тела в подвале.

Он двинулся дальше по коридору. Серые жилы в камне

светились ярче с каждым шагом.

Стены коридора постепенно становились шире, как расширяется горло реки перед устьем. Балки уступили место каменным грубым аркам без обработки, вбитым в породу на совесть. Следы инструментов здесь были другими - это не кирки, а что-то тяжёлое, и к тому же широкое. Под ногами щебень сменился утоптаным грунтом, твёрдым как дерево.

Здесь явно ходили часто.

Жилы минерала шли теперь вдоль арок, огибая каждую с аккуратностью, которой не бывает у природных образований. Эдмон провёл пальцем по одной - поверхность на ней была гладкой, почти полированной.

Он убрал руку и пошёл дальше.

Запах тоже начал меняться. Влажная земля ушла, появилось что-то другое: старое дерево, ржавый металл, и под этим, едва уловимо, застоявшийся воздух едкой гари.

Вскоре коридор закончился.

Эдмон остановился у края и не выходя прижался к арке, осматривая масштаб.

Помещение было большим. Не просто большим - после несколько часов тесных коридоров оно казалось почти неправдоподобным. Потолок уходил вверх на высоту восьми, может десяти человеческих ростов. Жилы минерала здесь шли широкими горизонтальными полосами вдоль всех стен, и в их ровном сероватом свете пространство читалось

целиком. Без теней и без углов, где могло прятаться неизвестное.

Ярусы шли вдоль стен с трёх сторон, в местах, где были грубые деревянные настилы на каменных выступах, соединёнными лестницами. Три уровня, может четыре. Верхний уровень терялся в темноте куда свет минерала уже не доставал. На настилах виднелись остатки работы: ржавые крюки вбитые в балки, обрывки цепей, деревянные короба. Середина зала была пустой - утопанный пол, несколько вбитых в землю столбов с кольцами, следы колёс расходящиеся от центра как лучи.

Скорее всего здесь собирали, взвешивали и поднимали наверх все добытое из недр земли и льда.

Погрузочный зал

Три выхода вниз: один откуда он пришёл, два других в противоположных стенах. На каждом ярусе есть лестницы: две видны, а третья угадывается за коробами. Верхний ярус полностью тёмный, туда жилы почти не доходят. Если там кто-то есть, снизу не увидишь.

Он посмотрел вниз, пол чистый как слеза. Воздух здесь стоял суше.

Первый ярус шёл вдоль левой стены. Эдмон добрался до него через узкий проход за аркой, не спускаясь в зал. Настил скрипнул под ногой, он перенёс вес медленно, давая дереву привыкнуть.

Отсюда зал читался иначе. Столбы внизу отбрасывали

длинные плоские тени от минерального света. В центре пола виднелась деталь которую он не заметил снизу: большое кольцо вбитое в камень, от него расходились канавки - старые направляющие для чего-то тяжёлого, что тащили от разных стен к центру.

Он шёл вдоль края настила, держась у стены. Перила здесь были символическими, три жердины, не удержат полностью экипированного человека. Второй ярус начинался через лестницу в дальнем конце. Он поднялся.

Второй ярус шире первого, и здесь явно хранили что-то крупное. Под стеной стояли остатки деревянных стеллажей, большинство рассыпались, но несколько держались. На одном лежал моток цепи, ржавой насквозь, и рядом кусок мешковины, почти истлевший.

Эдмон скользнул взглядом по стеллажам, по полу и по дальней стене.

Ближе к третьему ярусу, где-то в дальнем углу, что-то издало звук.

Эдмон остановился и прислушался. Ничего.

Он уже было думал послышалось, но звук повторялся ещё, ещё и ещё. Такое не стоит оставлять без внимания.

Звук схож на что-то короткое и приглушённое, как будто человек пытается дышать и не справляется.

Он посмотрел на лестницу ведущую наверх. Она была с той стороны зала, напрямую по открытому настилу второго яруса, на виду у всех. Да и в добавок сам пол не лучшего со-

стояния, любое движение по нему выдаст любое передвижение, ближе к центру наверняка провалишься, а где именно приходится только гадать.

Он оглянулся на стену за последним стеллажом.

Трещина в камне шла наискось, широкая у основания и сужающаяся кверху. Не лестница конечно, но подняться можно. Он прощупал первый выступ чтобы убедиться выдержит ли он вес тела - выдержит. Но вот край третьего яруса висел выше чем он хотел бы.

Он отступил на шаг вдоль стены, примерился и оттолкнулся. Носок сапога нашёл выступ на долю секунды. Этого хватило чтобы бросить тело вверх и в сторону. Пальцы поймали край настила. Правая рука потянула с задержкой, он добавил левой, перекатился на доски и сразу прижался к стене.

Плечо напомнило о себе только когда он встал.

Подъём дался лучше, чем ожидалось. Правая рука держала хват, но пальцы запаздывали. Мазь работала не сразу, но уже давала плоды. Печать всё это ускорила. Без этого пришлось бы взбираться одной рукой.

Третий ярус встретил темнотой и запахом.

Жилы минерала сюда почти не доходили, был только отсвет снизу, едва обозначавший края настила.

Ярус был длинным, вдоль стены шли короба и остатки стеллажей, явно больше чем на втором, а также плотнее. Хорошее место чтобы спрятаться.

Он пошёл вдоль стены прямо к арке. Рука уже лежала на рукояти клинка.

Звук повторился, и вместе с ним другой. Что-то среднее между дыханием и скрипом, как будто два существа дышат в такт.

Эдмон остановился за последним коробом и медленно заглянул за край.

За коробом было двое.

Силуэты в темноте оказались вертикальные и двуногие. Первой же мыслью были люди, а потом глаза прозрели.

Пропорции были почти правильными. Плечи, голова, руки вдоль тела. На обоих что-то похожее на меховую одежду, но истрёпанное. Голова у ближнего сидела чуть ниже чем должна, вдавленная в плечи без шеи. Руки длиннее, не намного, но уже заметно.

Они стояли над чем-то у стены.

Оказалось, над кем-то.

Мужчина сидел, прижавшись спиной к камню, подтянув колени к груди. Живой - грудь поднималась и опускалась часто. Голова опущена. Одна рука прижата к боку.

Твари не двигались. Просто стояли и смотрели, опустив головы вниз. Как будто ждали чего-то, или решали что с ним делать.

Эдмон выхватил меч и медленно потянул кинжал из-за пояса, перехватив обратным хватом. Той-же рукой нашёл на поясе небольшой металлический цилиндр - огниво с паклей.

Думал использовать как факел в крайнем случае, но видимо не выйдет.

Он вытащил паклю из цилиндра, соединил с маслом и поджёг.

Склянка тут-же прилетела по голове твари.

Вспышка была короткой, но резкой.

Ближний силуэт дёрнулся, инстинктивно отшатнувшись от огня. Эдмон уже рванул из-под угла. Три шага, прыжок через короб, затем отскочил ногой от стены, перепрыгивая горящего. Следопыт придавил её ногами, так, что та упала на лицо. Затем замахнулся в весь рост и ударил в основание шеи, туда, где у человека позвоночник. Клинок меча вошёл с хрустом, дойдя до половины. Второй взмах и голову удалось отсоединить.

Второй развернулся быстро - пламя уже начинало гаснуть. Длинная рука пришла сбоку, Эдмон нырнул под неё, почувствовав, как пальцы немного порвали тёмно-синий плащ. Он развернулся, зафиксировал когти мечом и вонзил кинжал в грудь - раз, два, нащупывая что-то важное.

На третьем ударе тварь остановилась.

Она упала не сразу, будто пытаясь что-то понять. Потом колени подогнулись, и она осела на настил без звука. Из-за рта потянулась тёмная нить. Следопыт вонзил в череп кинжал, окончив его существование.

Темнота вновь вернулась, и он повернулся к стене.

Мужчина не двигался. Сидел в той же позе - колени к гру-

ди, голова опущена, рука прижата к боку, рот приоткрыт. Дышал часто и неглубоко, как человек, который давно уже хочет закричать и не может.

Эдмон опустил на одно колено рядом.

- Эй.

Ничего.

- Живой? Слышишь меня?

Голова медленно поднялась. В тусклом свете минерала Эдмон увидел молодое и землистое лицо, с засохшей кровью под носом. Глаза смотрели мимо него, в пространство за плечом, в то место где только что стояли твари.

Живой, но сейчас его здесь не было.

Эдмон не стал трясти его за плечо. Просто остался на месте, давая мужчине время увидеть его.

- Я не они.

Ответа так и не было.

Следопыт сел на пол рядом со стеной и положил кинжал поперёк колена, вытирая его от черноты.

Прошло время, он не считал сколько. Минерал светил ровно, темнота не менялась. Где-то внизу в зале капала та же капля.

Человек поднял голову.

Глаза были живые - мутные, но живые. Они смотрели на Эдмона, это уже что-то.

Взгляд прошёлся по маске. Потом пошёл по кинжалу на

колене, а потом снова на маске.

- Ты... - голос вышел сухим, даже сломанным. - Ты один?
- Один.

Человек медленно выдохнул. Рука у бока чуть ослабла - и тут же снова напряглась.

- Они... - он кивнул в сторону тел. - Их было больше.
- Я знаю.
- Остальные внизу. Там где... - он замолчал и мглотнул.
- Там.

Эдмон не стал спрашивать, где именно.

- Ты идти можешь?

Мужчина попробовал разогнуть ноги. Левая послушалась, но правая не сразу, пришлось помогать ему рукой.

- Могу, - сказал он.

Голос был ровный. Он умеет держаться, но был в шоке или банально не готов к такому. Оба варианта годились.

- Что за рана, - Эдмон кивнул на бок.
- Старая. - Пауза. - Почти.

Эдмон призадумался, если рана старая, то сколько он здесь торчит?

- Имя.
- Ворт. - Человек посмотрел на него. - А твоё?
- Эдмон.

Ворт кивнул, потом взглянул на тела тварей.

- Как ты сюда попал?
- Через хижину, - Эдмон встал и подал ему руку. - Потом

расскажешь что знаешь. Сначала уйдём отсюда.

Ворт взял руку и поднялся. На ногах он стоял шатко. Правую руку всё ещё держал у бока.

Эдмон посмотрел вниз на зал. Три выхода, два из которых неизвестны. Возвращаться через коридор со слизью односторонний тупик. Значит один из двух оставшихся.

- Ты знаешь что здесь за выходы?

Ворт проследил взгляд.

- Левый ведёт в обходной туннель. - Голос стал чуть тверже, что-то конкретное вернуло его в настоящее. - Правый - в старую выработку. Однако оттуда до поверхности намного дольше.

- Значит левый.

Эдмон взял меч в правую руку, а левой помогал Ворту.

- Держись чуть сзади. Шаг в шаг. Если что-то услышишь - скажи.

- Понял.

Они двинулись к лестнице. Ворт шёл медленно и с усилием. Эдмон пытался не оборачиваться лишний раз, а лишь слушать шаги за спиной.